

ВСТРЕЧА с Серго Закариадзе не бывает первой: будто знаком давно, будто вот-вот продолжится задушевная беседа, прерванная однажды. Это ощущение легко объяснимо — двадцать ролей в кино и более сотни в театре создают у зрителя иллюзию давнего знакомства, и в сегодняшнем нашем собеседнике образы эти продолжают жить, вы общаетесь с ними по полному праву доброго знакомого и соучастника их радостей, горестей, побед и поражений. Значит ли это, что Серго Закариадзе «похож» на своих многочисленных героев, что, играя моряка или профессора, солдата или короля, он един во всех лицах?

А как же «перевоплощение», то великое искусство трансформации, о котором говорит сам актер: «Таков наш удел — в один день приходится подбирать ключ к диаметрально противоположным характерам»?.. Тут-то и лежит порог к главной актерской «тайне».

Можно использовать до неузнаваемости грим, изменить походку, голос, жест, одним словом, стать совершенно другим и с великолепным внешним блеском представить моряка или профессора, короля или солдата. Задача для любого профессионала элементарная. Но будет ли живым этот облик, если не сумеешь поселить в него свою душу, если не отдашь ему тончайшие нюансы своего, человеческого, начиная от характера и кончая собственным жизненным опытом. Такова чисто закариадзевская черта — играть от себя, через свое «я», вложить в заданный характер свою живинку. Вот откуда идет наше с вами узнавание актера через знакомых уже героев.

Но только ли личность накладывает отпечаток неповторимости на роль, образ? Чем должен руководствоваться актер, творчеству которого суждено обращаться к массам через географические и языковые барьеры? Что значит, наконец, играть «в своен ключе»? Серго Закариадзе отвечает на эти вопросы так:

— Я был поражен, увидев в Японии актера Фунэ в «Братьях Карамазовых». Его Дмитрий — чистейшей воды японец. Спектакль заставил убедиться, что Достоевский писал и для японцев. Они вобрали в себя

добра и зла, пониманию, которое свойственно большинству людей. Однако не будь конкретности в облике героя, колорита, всего того, что делает эту фигуру живой, вызывающей поначалу интерес, потом глубокое участие, а затем сопричастность к его судьбе, не будь яркого национального характера, получилась бы схема. Фильм приобрел интернациональное звучание в результате осмысления проблем на национальном материале. Путь к интернациональному значению творчества лежит через национальное самовыражение...

о гражданской ответственности и тут стоит вспомнить слова, сказанные в интервью, взятом мной у актера в дни празднования 100-летия В. И. Ленина: «Я никогда не играл Ленина. Но разве ряд образов, созданных мной на сцене и в кино, не вызван к жизни его идеями, разве вся наша деятельность не призвана служить святой миссии формирования нового общества, нового человека?».

...Я знаю многих премьеров, с усталой улыбкой принимающих славу, знающих себе цену, по праву позволяющих себе блес-

нить разговор до антракта... В антракте я узнаю от него самого, что кино — это популярность и известность, но главная любовь — театр. «И, знаете, в театре труднее. В кино за нас многое сделает «его величество» монтаж. Отсылая роль становится «матрицей». Ты создал ее и уже не властен что-либо изменить. А в театре... Здесь каждый спектакль ты заново живешь в роли. Сиюминутность, эфемерность театрального искусства сладостна, так как зритель здесь — свидетель живого, уникального творчества».

В последний раз я был таким «свидетелем» на премьере «Мачехи Саманишвили» по Д. Квдншвили. Серго Закариадзе, без грима, в партикулярном платье, как и другие актеры, как бы пришедший прямо с улицы в дом-музей писателя Квдншвили... И вдруг начинается действие. Как только Закариадзе накинёт башлык и раскурит трубку. Несколько штрихов, прищур хитрых глаз и перед нами Беквина Саманишвили, кракшый, самоуверенный упрямец, которого сейчас бросится отговаривать от запоздалого жениховства сын его Платон. Скупы краски. Как бережный и тонкий ювелир, актер находит нужный оттенок, чтобы засверкал откуда-то из глубины этот характер-самородок.

И вместе с тем перед нами — Закариадзе, тот самый, который знаком давно, с кем не бывает первой встречи и, кажется, вот-вот продолжится беседа, прерванная накануне.

А накануне была беседа. Народный артист СССР Серго Закариадзе на встрече, с тружениками поселка Хелвачаури

как кандидат в депутаты Совета Национальностей Верховного Совета СССР сказал избирателям: «Нет выше цели для

меня, чем верно служить народу...». Юрий МОСЕШВИЛИ. Тбилиси.

Народный артист

Кандидаты народа

дух, суть, смысл романа, облачив героев в свои «одежды». Общечеловеческие проблемы, социальный фон обязательно должны быть «приспособлены» к той или иной национальной манере, школе. В противном случае мы получим суррогат, более или менее добротную копию.

— Но если речь идет не о классике, если мы возьмем за пример вашего «Отца солдата». Благодаря чему образ этот стал близким и понятным всем?

— Видимо, в сердцах зрителей находят живой отклик извечные проблемы войны и мира, поданные через переживания провинциала из маленького грузинского села. Обыкновенный человек, чуть забавный, непокорный, вырастает во весь экран благодаря его пониманию

Это уже не просто актерское, это гражданское кредо Серго Закариадзе. Впрочем, отделимы ли гражданственность и творческие позиции? Весь путь С. Закариадзе — ответ на этот вопрос. От первой работы в кино — горца Торгвая в «Последних иржегонцах» до Георгия Махарашвили, до Алмасхана в кинодраме «Встреча с прошлым» — это напряженный актерский поиск самого себя, поиск и торжество находок — полное без остатка самовыражение. Умное, наблюдательное, упорное творческое исследование. Результатом его стали умение достигать самых глубин характера и высокое мастерство, позволяющее с видимой легкостью решать сложнейшие художественные задачи. Но мы говорили

нужно однажды перед восторженной публикой, а потом пребывать в покое до следующей большой роли. И я знаю Серго Закариадзе. Не надейтесь прийти в театр и застать его сидящим в кабинете художественного руководителя; или в ложе; или в фойе в кругу восторженных собеседников. В 10 часов утра — читка пьесы, в 11 — сценка, в 12 — репетиция на сцене, в 2 — беседа с автором. И т. д. и т. п. И нет времени для получасовой беседы. И Серго Закариадзе спросит: «Скажите, это очень важно?...». «Да, понимаю... Знаете что, в восемь — спектакль. Приходите в половине восьмого, поговорим...». И в половине восьмого в артистической уборной я начинаю беседу с Серго Закариадзе, а в восемь передо мной — король Лир, предлагающий от-